

Чересполосица Аксенова

“После того, как я вернулся в конце восьмидесятых годов из Москвы в Беларусь, получилось так, что у себя на родине я оказался невестребованным”, — говорит Александр Никифорович АКСЕНОВ.

Это так. А.Аксенов, которому сегодня исполняется 80 лет, — один из самых видных белорусских политиков эпохи СССР, но после смерти Машерова он в родной республике оказался для властей неудобным и лишним. Его биография может служить наглядным примером того, как деревенский паренек из бедной семьи превращается в вершителя человеческих судеб и при этом остается скромным и жизнерадостным, несмотря на всю, как он любит выражаться, “чересполосицу” своей переменчивой судьбы.

“Моя жизнь напоминает полосы, — задумчиво говорит Александр Никифорович. — Одна полоса — комсомольская работа, другая — служба в КГБ, третья — руководство Министерством внутренних дел, ну и так далее”. На вопрос о том, почему восхождение по служебной лестнице изобилует крутыми поворотами, он говорит, что объяснение, наверное, кроется в результатах его практической деятельности. “Если бы я не справлялся, кто бы меня продвигал?”. После МВД он возглавлял Витебский обком партии, затем долгие годы шел рука об руку с тогдашним главой Беларуси Петром Машеровым — сперва в качестве второго секретаря ЦК КПБ, после — Председателя Совмина. При последующих руководителях республики Александр Никифорович был направлен послом в Польшу, а последняя долж-

ность — председатель Гостелерадио СССР. Почему пришлось на время расстаться с родной республикой? Говорит, что перестраиваться под методы нового белорусского руководства ему представлялось “нецелесообразным и трудным”. “Покойный Т.Я.Киселев и ныне здравствующий Н.Н.Слюньков — оба умные, способные люди, но с точки зрения стили работы они были совершенно иного масштаба, чем Петр Миронович Машеров”.

В домашнем просторном кабинете Аксенова стеллажи книг до потолка, в окно пробивается яркое октябрьское солнце, на полках фотографии детей, внуков. Он живет в доме в районе площади Победы. В большом холле на стене ковер, на котором выткан его портрет. “Оршанские ткачи подарили к шестидесятилетию”. По краям ковра — картины.

Он небольшого роста, с коротко стриженными волосами, в больших очках. На портретах в молодости он выглядит полным. “Да, тогда я был крепышом, сейчас похудел”. Одет в светлый костюм-тройку с синим галстуком в полоску, на пиджаке планки медалей.

“Я мечтал быть летчиком. Но началась война. В армию меня не взяли по возрасту. Я с друзьями решил пойти добровольцем”. Однако вместо фронта его отправили сперва в Оренбургскую (тогда Чкаловскую) область в колхоз. Там он познакомился со своей будущей женой. Они поженились за неделю до того, как он ушел воевать.

Потом — контузия, ранение в обе ноги. Госпиталь. Передвигаться мог только на костылях. Комиссовали. Вернулся туда, откуда был призван. А так как у него было педагогическое образование (Гомельский педтехникум), то учителя-фронтовика тут же определили заведующим начальной школы, а буквально через полгода избрали секретарем райкома ВЛКСМ.

“Я старался. Мне надо было гореть, как костер, и зажигать других. Еще ведь шла война. И нужно было воспитывать патриотов, готовить их бить врага”.

Высокопарные фразы, которые у другого прозвучали бы неестественно и напыщенно, в устах Александра Никифоровича кажутся естественными, идущими из глубины убеждений. Он говорит о том времени, окрасивая его идейной романтикой. “Когда в 1944 году меня ЦК ВЛКСМ

направил на комсомольскую работу в Беларусь (в Барановичах меня избрали первым секретарем горкома комсомола), я почувствовал, что политически взрослою и крепну. Здесь же я вступил в члены КПСС и ощутил себя вполне пригодным к политборьбе”.

“В Барановичах я один костыль выбросил под поезд. Мне было стыдно. Комсомольский вожак, а еле передвигается. Второй костыль выбросил в Гродно, где стал секретарем обкома комсомола. Сперва было очень тяжело. Ноги не гнулись. Разрабатывал их. Занимался физкультурой. Приучал себя к новой жизни”, — он произносит фразы размеренно и тихо, почти без эмоций.

Он говорит, что формировал себя под Павла Корчагина, который благодаря писателю Николаю Островскому стал в те годы для молодежи настоящим кумиром, сумевшим победить свой страшный недуг. “Жить, бороться и побеждать — это моя главная духовная составляющая”, — признается Александр Никифорович. По комсомольской стезе он дошел до секретаря ЦК ВЛКСМ. Много ездил по стране, бывал за рубежом, где “укреплял деловые связи с молодежными движениями и организациями”.

Потом в партии наступил период крутого перелома. Александр Аксенов был делегатом памятного XX съезда КПСС, на котором Хрущев выступил с докладом о сталинских репрессиях. “Это было время внутреннего смятения. И не только у меня”, — вспоминает мой собеседник.

В ту пору на руководящую работу в органы КГБ были направлены секретари ЦК ВЛКСМ. Александр Никифорович вернулся в Беларусь в ранге заместителя председателя белорусского Комитета госбезопасности. “Меня хорошо встретили и поддержали К.Т.Мазуров, П.М.Машеров, Ф.А.Сурганов”. А уже через год его назначили министром МВД...

Через шесть лет новый зигзаг — началась партийная работа, Витебский обком. И здесь произошла одна знаменательная история. “Петр Миронович Машеров приехал в область. Ознакомился с положением дел и сделал критические выводы. Я не согласился и стал доказывать, что при оценке ситуации нужно исходить из существующих реальных

возможностей, а самое главное — из целесообразности. Мы разругались тогда так, что дальше некуда. Ночь у меня прошла без сна. Я все думал: зачем так резко высказался, нужно было по-другому, убедительнее. С тяжелым сердцем рано утром отправился к Машерову в гостиницу. А он тянет мне руку, улыбается: “Александр Никифорович, извини меня, я был не прав”. И все стало на свои места”.

Но жизнь А.Аксенова — это не цветистая дорожка в летнем поле. Восьмидесятые годы — всполохи неожиданного заката. Александр Никифорович еще в лучах солнца, но оно уже не идет в гору. В шестьдесят пять лет, возглавляя Гостелерадио СССР, он попадает в автоаварию. Пролетел долго в больнице. Тогда же и написал заявление в Политбюро с просьбой об отставке. Ему дали персональную пенсию союзного значения. “В Москве мне не нравилось. Почему? Мне было тяжело видеть все происходящее и, в частности, развал партии. Я уехал на родину”.

Размышляя о своей в общем-то яркой биографии, он говорит, что верит в судьбу: “Она у меня так сложилась, что нигде меня не предала, не отбросила от магистральных путей, по которым шла страна”. Но он также убежден и в том, что каждый выбирает себе дорогу сам. “Но если человек безразличный, не трудолюбивый, не боец, то судьба его рано или поздно выбросит из колеи”.

Последние пятнадцать лет он не работающий пенсионер.

Он полон сил и энергии. Выступает на митингах, собраниях компартии Беларуси.

Живет в красивой квартире вместе с женой. У них трое детей. Старший сын — ответственный секретарь Парламентского собрания Союза Беларуси и России, живет в Москве, но часто по делам приезжает в Минск. Второй сын — пенсионер КГБ. Дочь — кандидат наук, доцент, преподает в минском университете. Дети детей уже играют свадьбы, и есть даже правнуки. Но собирается вся семья редко. “У каждого свои дела”.

У Александра Никифоровича по-прежнему напряженный распорядок дня. Много читает, пишет. “Спать ложусь поздно. Подъем в восемь часов. Ежедневно по утрам часовая прогулка”. И, подумав, добавляет: “Если нет заседаний”.

Виктор ЛЕЩЕНКО.